

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В ПРАКТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ

© А. Е. Сериков

Сериков Андрей Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент
декан философско-
филологического факультета
Самарская
гуманитарная академия

В статье вводятся понятия практической метафоры и практической метонимии, рассматриваемые как основные механизмы формирования смысла действия, извлекаемого из множества образов социального события. Перенос значений в языке и вербализованном мышлении рассматривается как вторичный по отношению к практическому. Суть практической метафоры в том, что вместо одного аспекта ситуации, действия, ситуации в целом подставляется другой ее аспект, другое действие, другая ситуация. Суть практической метонимии в том, что по части ситуации узнается другая ее часть и достраивается ситуация в целом, либо по ситуации в целом узнаются отдельные ее части.

Ключевые слова: социальная теория, практика, практический, тело, ситуация, действие, событие, троп, метафора, метонимия, смысл, значение, знак, контекст, образцы, прецеденты.

В статье, опубликованной в прошлогоднем выпуске «Вестника СаГА»¹, я предлагал модель социального события, согласно которой оно понималось как смысл человеческого действия, извлекаемый сознанием и телом из конечного множества образцов этого действия, т. е. ограниченного множества прецедентов той ситуации, в которой происходит действие. Речь шла о том, что поскольку множество образцов ограничено, оно постоянно обновляется и в него включаются по преимуществу те прецеденты, которые наиболее значимы в практическом, эмоциональном плане, в наибольшей

¹ См.: Сериков, А. Е. Конечность событийных смыслов как основа модели социальной реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». № 1(4), 2006. (www.samgum.ru/UserFiles/File/Konechnost.doc)

мере инкорпорированы. Предполагалось, что габитус извлекает последовательные смыслы, рекурсивно применяя к постепенно изменяющемуся множеству образцов одну или несколько относительно простых операций, и этот механизм генерирует потенциально бесконечное количество новых смыслов (и действий как их носителей). Под новыми смыслами в этой модели понимались новые комбинации смысловых элементов, существовавших ранее в иных контекстах, т. е. новое понималось как неожиданное сочетание того, что ранее существовало в другой конфигурации или вообще раздельно.

Открытым оставался вопрос о том, *какие именно операции* габитуса лежат в основе извлечения смысла из множества прецедентов. Предполагалось лишь, что габитус распознает образ ситуации и формирует (извлекает) множество прецедентов действия, одновременно совершая действие, смысл которого практически обобщает смыслы входящих в это множество образцов. Ниже я предлагаю одно из возможных объяснений этих операций, исходя из идеи Ю. Лотмана о том, что новое возникает при «переводе непереводаемого», в частности, при применении риторических фигур – *тропов*².

Хотя понятие тропа широко распространено в филологии, семантике и семиотике, трактуется оно далеко не однозначно. Во-первых, не закончена дискуссия о том, что такое тропы. Изначально они понимались как фигуры речи, украшающие мысль. Такова точка зрения классической риторики. Позже тропы были поняты как способы формирования новых образов, мыслей и чувств, специфические для художественной литературы и, прежде всего, поэзии. Но они также могут быть осмыслены как механизмы формирования любых текстов: не только художественных, но и научных, религиозных, повседневных. Во-вторых, приводимые списки и классификации тропов в разных источниках различны и почти всегда заканчиваются словами «и т. д., и т. п.», что свидетельствует об их принципиальной незавершенности.

Обратимся, например, к статье А. Горнфельда в словаре Брокгауза и Эфрона. Автор настаивает, что классическое понимание тропа в качестве фигуры, лишь украшающей речь и добавляющей образность уже существующей идее, в корне неверно: «Троп не та форма, в которую отливается готовая поэтическая мысль, но та форма, в которой она рождается»³. Кроме того, в статье затрагивается вопрос о классификации риторических фигур и приводятся точки зрения как Скалигера, называвшего более 28 разновидностей оборотов речи, так и автора «Deutsche Poetik» Боринского, считавшего любую подобную классификацию бессмысленной. Сам А. Горнфельд пишет по этому поводу: «Конечно, классификация их есть отвлечение: в действительном тропе мы можем одновременно найти и метафору, и метонимию, и синекдоху, но виды эти существуют, и выделение их может лишь способствовать изучению поэтической иносказательности»⁴.

А в современном «Российском энциклопедическом словаре» читаем, что тропы «в стилистике и поэтике – употребление слова в образном смысле, при котором происходит сдвиг в семантике слова от его прямого значения к переносному. На соотношении прямого и переносного значений слова строятся три типа троп: соотношение по сходству (метафора), по контрасту (оксиморон), по смежности (метонимия). <...> Виды

² Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1990. С. 46–73.

³ Горнфельд, А. Троп // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890–1907 // www.booksite.ru/fulltext/bro/kgabrokeft/

⁴ Там же.

троп: метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, лилота, эпитет и др.»⁵ В других источниках часто упоминаются ирония, аллеотеты (грамматические тропы), перифраз, а также такие формы метафоры как аллегория, симфора, персонификация.

Вопрос о взаимоотношении названных фигур – один из самых запутанных. Так, эпитет обычно определяется как разновидность метафоры, но может быть и метонимическим⁶. Перифраз, с одной стороны, напоминает метафору, но с другой, строится на принципе развернутой метонимии⁷. Оксиморон и ирония понимаются либо как частные случаи метонимии, либо как независимые фигуры. Синекдоха может рассматриваться либо как частный случай метонимии; либо как первичная, исходная для других фигура; либо как независимый, отдельный от других вид тропа. Метонимия также может пониматься либо как первичная для всех других, либо как просто отдельная фигура⁸.

Ю. Лотман считает, что начало современным дискуссиям на эту тему положила идея Р. Якобсона о *метафоре и метонимии как двух основных тропах*, связанных с парадигматическим и синтагматическим измерениями языка. Р. Якобсон обращает внимание на то, что расстройство человеческой речи (афазия) бывает двух видов: когда человек не может подбирать слова с определенным значением, замещать слова другими, близкими по смыслу; либо когда он не может выстраивать последовательные цепочки из слов, не способен к синтаксису. В первом случае предположительно нарушается способность человеческого мозга к метафоре, во втором случае – метонимическая способность. Согласно Р. Якобсону, метафора и метонимия являются основой смыслообразования в любой семиотической системе, но в современной науке преобладает исследование метафоры, а метонимии уделяется недостаточное внимание⁹.

Интересно, что Ю. Лотман пишет о существовании двух принципиально различных способов восприятия сознанием мира и, соответственно, двух типов операций со знаками. Сознание может воспринимать ситуацию целиком; либо как состоящую из отдельных элементов. На уровне индивидуального сознания это можно соотнести со спецификой функционирования левого и правого полушарий мозга. Соответственно, и в индивидуальном, и в коллективном сознании смыслы создаются в результате взаимодействия генераторов двух типов: один образует тексты в виде цепочек отдельных знаков, другой воспринимает тексты целиком. Механизм первого типа дискретен, механизм второго типа континуален. Между ними постоянно происходят обмены значениями, т. е. осуществляется перевод с одного языка на другой и обратно. Но поскольку между дискретным и континуальным восприятием не может быть однозначной сопоставимости, осуществляется «перевод непереводаемого». Это приблизительный, незакономерный, неоднозначный перенос значений, в ходе которого и возникают новые смысловые связи.

⁵ Тропы // Российский энциклопедический словарь // <http://enc.mail.ru/article/1900448837>

⁶ См.: Чернец, Л. В. Черная роза и драдедамовый плагод (об эпитете) // http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=155

⁷ Перифраз // Поэтический словарь Квятковского // <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/>

⁸ Лотман, Ю. М. Указ. соч. С. 51–52.

⁹ Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132. (Я благодарен Т. В. Казариной, которая в устной беседе первая обратила мое внимание на принципиальное различие метафоры и метонимии, посоветовав прочитать статью Р. Якобсона. Согласно Т. В. Казариной, метонимия отождествляет, например, представляет часть как целое и не видит различий; метафора видит различия и представляет одно через другое, отличное.)

Ю. Лотман утверждает, что семантический троп образуется «парой взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности»¹⁰. С этой точки зрения и метафора, и метонимия, и другие тропы являются механизмами взаимодействия двух типов сознания (двух типов генераторов текста). Поэтому нельзя сказать, что Ю. Лотман соотносит эти два типа сознания напрямую с метафорой и метонимией. Но если их описать в терминах Р. Якобсона, это соответствие становится очевидным. Тогда можно предположить, что в основе любого «перевода непереводаемого», в основе любых тропов как риторических фигур лежит взаимодействие метафорического и метонимического механизмов восприятия мира и генерации текстов.

Особая значимость метафоры и метонимии среди других тропов и их особая роль в образовании новых смыслов не вызывает сомнения. Они встречаются во всех классификациях, о них написано наибольшее количество научных работ, их механизмы можно более или менее четко различить. И метафору, и метонимию обычно понимают как употребление слова или словосочетания в переносном значении, т. е. как перенос знака с одного значения на другое. В случае метафоры перенос осуществляется на основе сходства значений (*говор волн, пузатый чайник, море слез, стена* дождя и т. п.). В случае метонимии перенос осуществляется на основе смежности в пространстве, времени, причинно-следственной либо логической последовательности, когда названия отдельных элементов вещи или ситуации переносятся на соседние элементы, на вещь или ситуацию в целом, либо названия целого переносятся на отдельные элементы (*зал* аплодировал, первая скрипка, поставили Чехова и т. п.).

Перенос слова или словосочетания с одного значения на другое – это, по сути, замена одного знака другим, переносимым. При этом переносится не только означаемое, но и значение, в результате чего рождается новый смысл высказывания. Возьмем типичный случай метонимии, когда вместо «в лесу поют птицы» говорят «лес поет». Здесь «лес» первоначально замещает только «птиц», но возникает образ леса как целостного живого существа и создается ощущение, что в нем поют все: и трава, и деревья, и другие животные. Другой пример – распространенная метафора «время-деньги». Имея ее в виду, мы можем рассуждать о времени так, как если бы оно действительно было деньгами, т. е. меняя не только знак, но и сущностное понимание того, что происходит: «Ваша ошибка стоила мне двух часов работы».

В языке новые смыслы довольно часто образуются в результате переноса значений между синонимами, омонимами, паронимами, антонимами. Формально такие тропы не всегда рассматриваются как метафора или метонимия. Но в широком смысле они являются метафорическими и метонимическими, так как основаны на сходстве или смежности. В случае синонимов перенос осуществляется на основе сходства значений, в случае омонимов и паронимов перенос осуществляется на основе созвучия или графического сходства. Поэтому метафорическими по сути являются и выбор слова из синонимического ряда (из множества лексических образцов), и ошибочное понимание, и сознательная игра созвучными словами. Когда кто-то говорит «я покупаю новый дом», имея в виду «новый для меня, еще один», это может быть ошибочно понято как «вновь построенный». А фраза «учебник с грифом» может вызвать образ грозной птицы, изображенной на обложке. Перенос значений между антонимами и ирония метонимичны, так как переносимые значения являются противоположными, т. е. смежными в логико-

¹⁰ Лотман, Ю. М. Указ. соч. С. 47.

семантическом пространстве: «красавец» вместо «урод», «умён» вместо «глуп», ироническое выражение учтивости вместо явного презрения. Оксиморон, т. е. объединение противоположного, с этой точки зрения – тоже разновидность метонимии.

Механизмы переноса и замещения играют ключевую роль во взаимопонимании людей, а также в изменении значений слов и устойчивых словосочетаний естественного языка. Эксперименты Г. Гарфинкеля¹¹ доказывают, что одним из условий нормального взаимодействия является запрет на слишком подробное уточнение контекста и смысла высказываний. Неявно мы исходим из того, что существуют вещи, фразы, ситуации, понятные каждому. Тех, кто пытается уточнить их значение, мы воспринимаем как зануд или ненормальных. Слушающий почти никогда не интерпретирует слова говорящего однозначно. Скорее он выдвигает альтернативные гипотезы и ожидает развития ситуации, чтобы подтвердить одну из них. Поэтому мы просто вынуждены постоянно ориентироваться на всё доступное нам множество значений употребляемого знака. Перенос значений и замена одних знаков другими является, таким образом, естественным механизмом повседневного общения.

Мы распознаем и понимаем знаки, ориентируясь на то, что Л. Витгенштейн называл семейным сходством. Опираясь на это приблизительное понимание, мы действуем практически и, если действие удастся, считаем понимание верным. При этом практически удачными могут быть разные интерпретации. Следовательно, несколько человек, которые успешно взаимодействуют, могут при этом ориентироваться на сходные (или смежные), но все же разные значения одних и тех же слов и выражений. Если при этом кто-то обучается языку, перенос слов из одного индивидуального лексикона в другой будет происходить с изменением значения. Постепенно это должно приводить к историческим изменениям языка в целом. Например, выражение «заморить червячка» первоначально понималось как «выпить натошак» и в этом значении встречалось еще в начале XX века. Затем оно приобрело значение «выпить натошак и закусить» и уже относительно недавно – современное значение «слегка перекусить»¹². То есть должны были существовать ситуации, в которых фраза «заморить червячка» звучала двусмысленно. Думаю, когда во времена моего детства ее произносила бабушка, для дедушки она значила не то же самое, что для меня.

Ситуациям, вещам, явлениям соответствует не один какой-либо знак, но всегда множество взаимозаменяемых знаков, которые отсылают друг к другу, подобно цитатам. При этом менее удачные цитаты выбывают из обращения, так как множества образцов включают лишь те, что находятся в активном употреблении. Приведу пример множества образцов заголовка литературных произведений: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого > «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» С. Минаева > «(Empire-I) Амфир-В. Повесть о настоящем сверхчеловеке» В. Пелевина > «Loxness. Роман с чудовищем. Реальный антигламур» Е. Токаревой. Опираясь на это множество, можно предсказать появление «Повести о ненастоящем сверхчеловеке», «Ненастоящего романа о человеке», «Настоящей повести о чудовище», «Ирреального гламура» и т. д. А с учетом ссылок на Ф. Ницше и французскую философию, двуязычных названий, гламурного содержания вполне можно ожидать появления чего-нибудь с немецко-русским названием про владельца ночного клуба или модного журнала «Diskurs», потерявшего ноги или ставшего кокаином.

¹¹ Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. С. 52–55.

¹² Я читал об этом на одном из форумов в Интернете, но точных ссылок, к сожалению, указать не могу.

Подобные процессы происходят и на индивидуальном уровне, при этом особую роль играют эмоции. Представим, что кто-то находится в эмоционально значимой ситуации, в которой слышит малознакомое, но интерпретируемое благодаря контексту слово. Поскольку ситуация эмоциональна, слово обязательно запомнится. Тем самым оно закрепится среди знаков, описывающих подобные ситуации или действия в них, вытеснив какой-нибудь менее употребимый знак на периферию индивидуального лексикона. Скажем, изучая английский язык, я бессознательно формирую множество знаков, связанных для меня со смехом и ситуациями, в которых кто-то выглядит смешно. Я приобретаю опыт понимания и употребления таких фраз как «You're funny», «What are You laughing at?», «Don't laugh at me!», «He looks silly», «I'm just kidding» и т.п. И вот в какой-то момент оказываюсь посреди психологической катастрофы, когда в ответ на свои объяснения слышу: «Don't be ridiculous!». После этого во всяком англоязычном скандале и во всякой ситуации, где я могу быть назван смешным, вместе с соответствующими эмоциями в первую очередь всплывает именно эта фраза. И именно через нее я начинаю понимать все производные слова «ridicule».

Эмоции в данном случае – это то, что связывает сознание и тело, способствует инкорпорации опыта. А тело играет особую роль в процессах переноса значения, в каком-то смысле оно является инструментом метафоры и метонимии. Дж. Лакофф и М. Джонсон демонстрируют, что понятийная система языка и культуры строится на основе восприятия телом самого себя, физических объектов и вещества, манипуляций этими объектами, пространственных отношений между ними и телом, повседневного опыта взаимодействия с другими телами. Здесь коренятся такие фундаментальные представления как «внутреннее – внешнее», «вместилище – вмещаемое», «верхнее – нижнее», «правое – левое», «переднее – заднее», «часть – целое», «центр – периферия», «избыточное – недостаточное», «схватываемое – упускаемое», «передача – получение» и т. д. Эти представления метафорически распространяются на культурные ценности, ориентацию в социальных отношениях, коммуникацию, грамматические формы. То есть какая-то часть опыта структурируется еще до концептуализации и независимо от нее. Соответствующим образом структурированы и понятия, описывающие этот опыт. А в те области человеческой жизни, для которых изначальной доконцептуальной структуры не существует, метафорически переносятся ее аналоги, и понятия строятся в соответствии с ними¹³.

С такой точки зрения, формально-логическое оперирование понятиями и выстроенными на их основе суждениями – это не единственно возможный, а всего лишь один из многих способов мышления. В их основе лежит телесный опыт восприятия событий, манипулирования вещами, общения с людьми. Например, наше тело знает, что осенний листопад как-то связан с дождем, а зимний мороз – со снегопадом. Поэтому в повседневности, как и в поэзии, вполне допустима метонимическая замена одного на другое, хотя в формальной логике это невозможно. Метафора и метонимия нарушают правила формальной логики: объединяют противоположные или противоречивые понятия, отождествляют противоположность и противоречие, заменяют понятия с большим объемом на понятия с меньшим объемом и наоборот, подменяют

¹³ См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415; Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004.

понятия и тезисы и т. д.¹⁴ Соответственно, аллеотеты (грамматические тропы) нарушают грамматические правила: вместо единственного числа используется множественное, вместо прошедшего времени – настоящее, вместо повелительного наклонения – изъявительное или сослагательное¹⁵. Однако всякие правила упорядочивают и кодифицируют лишь определенные, относительно узкие сферы человеческой деятельности и мышления, выделяемые из более широких областей возможного. В современной науке признано, что существует бесконечное множество логик. То, что запрещено в одной из них, вполне допустимо на практике и, соответственно, в другой логике. Что же касается грамматик, то их, как минимум, существует несколько¹⁶.

Наблюдения за шимпанзе, которых обучали языку жестов, позволяют предположить, что механизм метонимии работает независимо от способности животных овладеть полноценным человеческим языком, т.е. является более фундаментальной способностью. В частности, метонимия присутствует там, где нет полноценной лексики и какой-либо грамматики¹⁷. С. Пинкер делает следующие критические замечания о «языке» шимпанзе. «Большинство жестов, используемых шимпанзе для обозначения предметов, могут относиться к любому аспекту ситуации, с которым этот предмет обычно ассоциируется. *Зубная щетка* может означать: “зубная щетка”, “зубная паста”, “чистить зубы”, “я хочу свою зубную щетку” или “пора спать”. *Сок* – “сок”, “место, где всегда стоит сок” или “Отведи меня туда, где всегда стоит сок”»¹⁸.

Думаю, метонимия имеет место и в других неполноценных языках: пиджине¹⁹, языке иностранцев, языке детей до 2-3 лет. «Специалисты по возрастной психологии Эллен Маркман и Джин Хатчинсон предложили двух- и трехлетним детям набор картинок и попросили к каждой картинке “найти другую такую же, как эта”. Детей заинтриговывают взаимодействующие предметы, и, получив такие инструкции, они обычно выбирают картинки, которые будут образовывать группы ролевых исполнителей, таких как сойка и гнездо или собака и кость. Но когда Маркман и Хатчинсон предложили им “найти другой *дэкс* такой же, как этот *дэкс*”, критерий выбора у детей поменялся. Слово должно обозначать *тип* вещи, так они, должно быть, думали, и помещали птицу рядом с другим видом птицы, а собаку – с другим видом собаки»²⁰. Для С. Пинкера, рассказы-

¹⁴ То, что в анекдотах изображают как «женскую логику», мне кажется, является просто обыкновенной повседневной логикой, основанной на переносе: «Во-первых, я твою сковородку не брала, во-вторых, давно отдала, а в-третьих, она и вовсе дырявая!» В формально-логическом плане перечисленные аргументы не совместимы, но и вполне совместимы в практическом.

¹⁵ См.: Грамматические тропы // Политическая риторика // http://media/utmn/ru/library_view_book.php?chapter_num=31&bid=311

¹⁶ Если универсальная грамматика врождена, как утверждают генеративисты, конкретных грамматик, являющихся ее реализациями, должно быть ограниченное множество. Если же Н.Хомский и его последователи заблуждаются и универсальной врожденной грамматики не существует, конкретных грамматик может быть бесконечное множество.

¹⁷ Это важно в контексте представлений Р. Якобсона о связи метонимии и синтаксиса. Полагается, что метонимия работает на двух разных уровнях: дограмматическое (внеграмматическое) мышление и грамматика (синтаксис), т.е. речь, возможно, идет о двух разных механизмах, объединенных одним названием.

¹⁸ Пинкер, С. *Язык как инстинкт*. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 323.

¹⁹ Так называют жаргоны, на которых общаются практически взаимодействующие люди, лишённые возможности выучить языки друг друга или какой-нибудь полноценный язык-посредник.

²⁰ Пинкер, С. *Язык как инстинкт*. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 147.

вающего об этом эксперименте, важно, что дети могут сопоставить незнакомое слово с мыслительной категорией. Мне же кажется чрезвычайно интересным, что наряду с этой, по сути метафорической, способностью дети продемонстрировали естественную склонность к метонимии.

Итак, метафору и метонимию можно описать как механизмы замены знака, существующего в определенном контексте, на знак, взятый из другого контекста. Это имеет непосредственное отношение к пониманию смысла речевого акта как практическому обобщению множества его прецедентов. Множество образцов в данном случае – это высказывания со сходными значениями, актуальные для данной культуры в целом или, если речь идет об индивидах, эмоционально значимые для данного конкретного человека. Поскольку подобное множество не может быть бесконечно, образцы речевых актов в нем постепенно замещаются другими, заимствованными из похожих контекстов.

Переходя от рассмотрения речевых актов к человеческим *действиям вообще*, можно предположить, что и здесь работают механизмы переноса значений²¹. Действие – это знак его смысла, извлекаемого из множества образцов на основе того, что можно назвать *практической метафорой* и *практической метонимией*. Если такой практический перенос значений имеет место, то соответствующие языковые процессы – это его проявления в речевых актах. В той же мере, в какой речевые акты являются разновидностью действий вообще.

Практическая метафора имеет место, когда партнеры по взаимодействию или объекты, с которыми мы имеем дело, воспринимаются на основе опыта обращения с другими людьми и вещами. Например, когда привычка взаимодействовать с противником на войне переносится на взаимодействие с оппонентом в споре, конкурентом в бизнесе или соперником в любви. Соответственно, возможны практические переносы и на основе смежности. Так, Д. Трунов приводит ряд примеров метонимии в магических действиях: *«контактная магия* – магическая сила передается через соприкосновение с ее источником; *инициальная магия* – выполнение начала действия магически побуждает к исполнению всего действия; *парциальная магия* – воздействие магической силой на часть объекта заменяет воздействие на весь объект; *анотропическая магия* – избегание мест, где происходили неблагоприятные события; *катартическая магия* – омовение или окропление поверхности тела приводит к очищению всего тела»²². Интересны также приводимые им примеры метонимии в социальных отношениях: «Здесь в одном ряду стоят такие социальные феномены, как передача власти по родству, институт кровной мести, преследование родственников “врагов народа”, негативный “ореол” вокруг человека, который просто приветливо пообщался с моим врагом; сюда же мы поместим такие клинические феномены, как проявления фетишизма и фобии»²³.

Магия, основанная на метонимии, сыграла существенную роль в становлении политических институтов средневековой Европы. М. Ямпольский показывает, что легитимация власти постепенно эволюционирует от символизма королевского тела, непосредственно обладающего силой, к репрезентации монархом своей роли постольку, поскольку он занимал определенное место в пространстве власти. Это, в свою очередь,

²¹ Обратите внимание, что само это предположение метонимично.

²² Трунов, Д. *Метонимическое мышление* // Антропологические основания теоретического мышления: Материалы научной конференции (16–17 ноября 2004). Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005. С. 173–176. // <http://home.perm.ru/dmitry/archiv/p050.htm>

²³ Там же.

подготовило переход к демократическим институтам репрезентации²⁴. Практическая магия действия в этих процессах все больше уступала место процессам мышления и представления, однако исходный метонимический механизм, как мне кажется, сохранился. Наиболее очевиден он в примерах относящихся к раннему средневековью. Так, при оформлении продажи земли пергамент, перо и чернила помещались на продаваемую землю, и считалось, что они пропитываются земными силами. Поэтому подписанный акт был не просто юридическим документом, но и магическим предметом, что гарантировало его действительность. Считалось, что раны убитого могут открыться при приближении убийцы, указав тем самым на него. Обвиняемого могли испытывать, заставив его держать в руке раскаленный железный прут, и судили о его виновности по состоянию ран через несколько дней. Это называлось Божьим судом, или ордалиями, логике которых подчинялось и тело монарха. Он должен был уметь войти в клетку с голодными львами, или излечить больных наложением руки, или нести на своем теле особые знаки. Такими знаками могли быть родинки в виде креста или лилии, особое родимое пятно, покрытое щетиной, или шрамы, полученные в битвах. Вплоть до XVII века король являлся живым воплощением мощи и обязательно сам возглавлял армию в походах. Также лично он проходил сквозь «тело» народа во время вступления в город, изливая свою магическую силу и гарантируя тем самым установление порядка и гармонии. Во всех этих случаях символизм власти основан на непосредственной пространственной смежности.

Так же, как в языке и мышлении, перенос значений в практическом действии первичен по отношению к тому, что мы считаем правилами поведения. Дискуссия вокруг идей Л. Витгенштейна и С. Криппе по поводу применения правил демонстрирует, что формулировка правил и их применение не соотносятся однозначно²⁵. Исследования Г. Гарфинкеля убеждают, что на практике не бывает исчерпывающих инструкций²⁶. А П. Бурдые доказывает, что логика практического смысла и логика последующих объяснений различны, так как невозможно мыслить теоретически, действуя практически²⁷. Таким образом, мы узнаем предметы, людей, их действия на основании своего телесного опыта и действуем, ориентируясь на практический смысл. А потом создаем, дополняем и предъявляем инструкции, объясняя себе или другим имевшие место действия.

Практические метафора и метонимия работают не только в отношении отдельных предметов, людей или действий, но и в отношении *ситуаций* взаимодействия. Ситуация может узнаваться либо целиком, либо как совокупность отдельных элементов (характеристик, аспектов, действий). В первом случае, в терминах Ю. Лотмана, имеет место

²⁴ См.: Ямпольский, М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

²⁵ См.: Витгенштейн, Л. Философские исследования // Философские работы / Л. Витгенштейн. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994; Криппе, С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке // Логос. 1999. № 1(11); Грязнов, А. Ф. Как возможна правилосообразная деятельность? // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М.: ИФ РАН, 1996; Сокулер, З. А. Проблема «следования правилу» в философии Людвиг Витгенштейна и ее значение для современной математики // Там же; Волков, В. В. «Следование правилу» как социологическая проблема // <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/34-volkov.htm>; Kush M. Rule-Scepticism and the Sociology of Scientific Knowledge: The Bloor-Lynch Debate Revisited // *Social Studies of Science*, 34/4 (August 2004).

²⁶ Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 28–35.

²⁷ Бурдые, П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 128–218.

континуальное восприятие, во втором – *дискретное*. Эти два типа восприятия всегда *дополняют* друг друга: дискретный механизм объединяет ситуации в смысловые последовательности, а континуальный лежит в основе распознавания отдельных элементов. В результате всякая ситуация может быть рассмотрена как элемент более общей ситуации. Когда мы ориентируемся на ситуацию в целом и понимаем ее как похожую на другую ситуацию, мы действуем и мыслим метафорически. Когда мы узнаем последовательность ситуаций и продолжаем ее, мы действуем и мыслим метонимически.

Ситуации, которые могут метафорически уподобляться друг другу, входят в одно множество образцов. Это множество случаев восприятия, переживания, действия, запечатленных в памяти тела и имеющих сходную структуру опыта. Множество образцов можно понять как практическую категорию, внутреннее семантическое пространство которой неоднородно. В нем различаются центр и периферия. Наиболее значимые образцы устойчиво находятся в центре, являются прототипами категории, а другие ненадолго включаются в нее в момент метафорического переноса, после чего выбывают. Если совершаемое действие или ситуация, в которой оно происходит, эмоционально значимы, они занимают место среди прототипов, смещая тем самым восприятие категории и вытесняя менее значимые образцы.

Ситуация – это совокупность элементов, каждый из которых несет в себе следы его образования. Например, множество образцов – это ряд статей на данную тему, а элементы – это идеи, которые встречаются в статьях. Образцы могут быть похожи между собой на основе подобия части их элементов и различаться по другим элементам. Если из образца отбрасывается часть элементов и присоединяются элементы другого образца, формируется нечто новое, что само может стать образцом.

Метонимически мы распознаем ситуацию: если пришли гости, их нужно угостить; если наступили новогодние праздники, нужно сходить с детьми на ёлку; если начались каникулы – съездить на природу. А затем метафорически заменяем один из элементов на другой: предлагаем гостям чай вместо кофе, идем в цирк вместо театра, на охоту вместо рыбалки и т. п. Ситуацию можно описать как набор факторов. Если изменится хотя бы один из них, изменится общее значение ситуации. Но ситуация остается метафорически подобной прежней, входит в одно с ней множество образцов. Если какие-то факторы уже соседствовали в прошлых ситуациях, то они, встретившись вновь, метонимически будут притягивать другие элементы этих ситуаций, включая действия, имевшие в них место.

Практическую метонимию, таким образом, можно понять как повторение действий, связанных в чем-то личном опыте (или опыте культуры в целом) с похожими обстоятельствами. Если повторяется место, время, погода, имя партнера, категория ситуации, человек действует приблизительно так, как действовал он сам или кто-то, известный ему, в этих обстоятельствах раньше. Приведу пример того, как работает практическая метонимия при выборе текстов для чтения. Мы берем новую книгу, если она лежит на той же полке в магазине или библиотеке, где лежат заведомо интересные нам книги. Если нам попалось несколько интересных книг одного и того же издательства, мы обратим внимание на другие выпущенные в нем книги. Если понравилась статья в журнале, просмотрим другие номера этого журнала. Если понравился автор, будем искать его новый текст. Если заинтересовала тема, поищем книги других авторов на ту же тему. Если пересеклись темы или авторы, которые раньше были интересны независимо друг от друга, прочтем такой текст обязательно. Скажем, я интересуюсь проблемой практического применения правил у Л. Витгенштейна и С. Криппе, а с другой стороны, пыта-

юсь разобраться в грамматических построениях Н. Хомского, в течение какого-то времени не связывая их с проблемой правил. Естественно, как только я наталкиваюсь на тексты под рубрикой «Хомский против Крипке»²⁸, я просто обречен обратить на них внимание.

Итак, суть *практической метонимии* в том, что по части ситуации узнается другая ее часть или ситуация в целом, либо по ситуации в целом узнаются отдельные ее части. По отдельным элементам, характеристикам ситуации достраиваются другие – смежные в опыте наших тел. Суть *практической метафоры* в том, что вместо одного аспекта ситуации, действия, ситуации в целом подставляется другой ее аспект, другое действие другая ситуация, схожие в опыте тел по форме или значению.

²⁸ См.: *Huen, K. A Review of Chomsky's Criticism of Kripke's Wittgenstein* // www.personal.kent.edu/~pbohanbr/Webpage/New/Huen-Barbiero/Kripke1.html; *Barbiero D. Ascribing Knowledge of Language, Chomsky v. Kripke, Round Two: Methodological Collectivism and Explanatory Adequacy* // www.personal.kent.edu/~pbohanbr/Webpage/New/Contributors/barbiero.html